

6. Набоков В. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1990. Т. 4.

7. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.

8. Тименчик Р. Д. Адмиралтейская игла // Русская речь. 1986. № 3. С. 23–28.

9. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы». Введение в тему // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области миопического. М., 1995. С. 259–367.

10. Шкловский В. Сентиментальное путешествие. Воспоминание. 1918–1923. Л., 1924.

11. Шраер М.Д. Набоков: темы и вариации. СПб., 2000.

12. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». Заглавие и смысл. СПб., 2000. С. 597 – 623.

13. Юзefович Н. Инолингвокультурный субстрат в транслингвальной литературе: к постановке проблемы // Speech and Context. 2011. 2(III). С. 5–12.

* * *

1. Gasparov M.L. Belyj-stihoved i Belyj-stihotvorec // Andrej Belyj. Problemy tvorcestva. M., 1988.

2. Lebedeva V.Ju. Motiv metafizicheskoj smerti v rasskaze V. Nabokova «Admiraltejskaja igla» // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 6. S. 45–51.

3. Malikova M.Je. V. Nabokov. Avto-bio-grafija. SPb., 2002.

4. Mandel'shtam O. Utro akmeizma // Mandel'shtam O. Izbrannoe. Rostov n/D., 1995. S. 5–7.

5. Mlechko A.V. Igra, metatekst, trikster: parodija v «russkikh» romanah V.V. Nabokova. Volgograd, 2000.

6. Nabokov V. Sbranie sochinenij: v 4 t. M., 1990. T. 4.

7. Sorokin Ju.A. Perevodovedenie: status perevodchika i psihogermenevticheskie procedury. M., 2003.

8. Timenchik R. D. Admiraltejskaja igla // Russkaja rech'. 1986. № 3. S. 23–28.

9. Toporov V.N. Peterburg i «Peterburgskij tekst russkoj literatury». Vvedenie v temu // Toporov V.N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovanija v oblasti miopicheskogo. M., 1995. S. 259–367.

10. Shklovskij V. Sentimental'noe puteshestvie. Vospominanie. 1918–1923. L., 1924.

11. Shraer M.D. Nabokov: temy i variacii. SPb., 2000.

12. Jeko U. Zаметки на poljah «Imeni rozy». Zaglavie i smysl. SPb., 2000. S. 597 – 623.

13. Juzefovich N. Inolingvokul'turnyj substrat v translingval'noj literature: k postanovke problemy // Speech and Context. 2011. 2(III). S. 5–12.

Allusive semantics of a title and the issue of autotranslation of the story “The Admiralty Spire” by V. Nabokov

The article deals with the issue of equivalence of translation of the title in the translingual literature. The story “The Admiralty Spire” by V. Nabokov is in the focus of research. The central image introduced in the title accumulates many sense potentials, first of all, of allusion character, that are not included into the hermeneutic circle of readers of other nations. The analysis of semantic relations of the original and translated variants of the title with the author’s conception of the text is of special interest.

Key words: *allusion, autotranslation, semantic reduction, V. Nabokov, title, genre.*

(Статья поступила в редакцию 09.09.2016)

М.А. ТКАЧЕВ
(Армавир)

**КРИСТАЛЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА
“TOWN” В ФИКЦИОНАЛЬНОМ
МИРЕ Р. БРЭДБЕРИ**

Исследуются концепты фикционального дискурса. Художественный текст рассматривается как сложный структурно-содержательный феномен, в который входят индивидуально-авторские концепты. Используются методы конкорданса, частотного словаря, техника кристаллизации смысла.

Ключевые слова: *дискурс, фикциональный дискурс, смысл, концепт, художественный концепт, кристаллизация.*

В современной лингвистике одним из наиболее перспективных направлений является теория дискурса. Вместе с описанием существенных характеристик дискурса как явления и его типологий (Алефиренко 2006 [1]; Демьянков 2007 [5]; Карасик 2007 [7], 2010 [8]; Серю 2001 [16]; Степанов 1995 [17]; Олянич 2007 [12]; Lemke 1995 [26]; Diamond 1996 [23]; van Dijk 1993 [24]; Chafe 1994 [22] и др.) проводятся многочисленные исследования отдельных типов дискурса (Лебхерц 2008 [9];

Лутовинова 2009 [10]; Патрушева 2011 [13]; Семенов 2013 [15]; Шейгал 2000 [18] и др.).

Особый интерес в данной связи вызывает фикциональный (художественный) дискурс, находящийся в центре внимания у современных лингвистов, т. к. в его основе лежит аксиологическая картина мира языковой личности [1; 5; 6; 14; 19]. Ю.С. Степанов полагает, что дискурс – это в первую очередь специфическое использование языка для отображения особой ментальности. Данное специфическое использование ведет к активизации отдельных граней языка, а впоследствии – к появлению особой грамматики и особых правил лексики, что в итоге создает особый «ментальный мир» [17, с. 37].

В.И. Карасик относит художественный дискурс к бытийному, представляющему собой совершенствование какой-либо идеи посредством аналогий и аллегорий. Бытийный дискурс служит для полного раскрытия своих личностных характеристик, коммуниканты насыщают общение как можно большим количеством смыслов, используя для этого формы коммуникации, принадлежащие литературному языку [6, с. 243].

Согласно мнению Н.Ф. Алефиренко, в художественном виде дискурса, построенном на непрямом взаимодействии коммуникантов, языковая личность (читатель или писатель) и то, что она производит (текст), находятся в неясной взаимосвязанности посредством пространственно-временной связи, предоставляемой ситуацией общения [1, с. 135].

Е.В. Поветьева считает, что дискурс является многогранным явлением в общении, в которое помимо самого текста входят и лингвистические единицы (общие знания об окружающем мире, мнения различных людей, цели говорящего и т. д.), служащие наиболее полному пониманию текста. Мы присоединяемся к мнению цитируемого автора, согласно которому художественный дискурс является социокультурным взаимодействием как между автором текста и читателем, так и между художественным текстом и дополнительными художественными текстами, которые привносят различные ценности, знания и убеждения и направлены на вызов у читателя эмоциональной реакции. В этой связи художественный дискурс представляет собой диалог автора и читателя, происходящий посредством набора образов, и в то же время – диалог художественных текстов, осуществляемый также посредством набора образов [14, с. 12].

В. Шмид выделяет в качестве одного из главных признаков художественного повествовательного текста его фикциональность, т. е. признание того, что описываемый в произведении мир является вымышленным. Данный вымысел описывает не произошедшие, а возможные события, их мысленное моделирование [19, с. 179]. Для построения фикционального мира его автор может брать необходимые элементы из других миров. Причем эти элементы могут принадлежать реальному миру, культурам разных времен и народов или находиться в воображении автора. Вне зависимости от их принадлежности, вступая в фикциональный мир, они также становятся фиктивными. Несмотря на то, что фикциональный текст не содержит прямых связей с реальным миром, он все равно является значимым для читателя, который может взаимодействовать с персонажами как с реальными объектами, обладающими индивидуальностью [Там же, с. 183].

Художественные тексты сопрягаются с проблемами бытия и смысла бытия по М. Хайдеггеру [25, с. 245]. В рамках нашего исследования важным является тот факт, что при чтении любого текста, в особенности художественного, человек так или иначе понимает его, познает. Но само понятие познания (или когниции) среди ученых неоднозначно. По мнению В.З. Демьянкова, понимание дискурса происходит параллельно появляющимся предложениям, не дожидаясь их окончания, чтобы начать анализ. Понимание происходит синхронно с линейным раскрытием речи [5, с. 88].

В свою очередь, Н.Ф. Алефиренко и Н.Б. Корина считают, что вся познавательная деятельность человека нацелена на изучение окружающего мира, на развитие и формирование способности ориентироваться в данном мире, применяя полученные знания. Это, в свою очередь, вызывает необходимость соотносить различные объекты и события. При этом главными в данной систематизационной деятельности являются процессы концептуализации и категоризации, различающиеся по своим результатам и целям [2, с. 114].

М.М. Бахтин также высказывался о понимании как системе, включающей отдельные акты: 1) психофизиологическое восприятие какого-либо знака органами чувств (слово, форма, цвет и т. д.); 2) распознавание его как уже знакомого или еще не знакомого; 3) понимание общего смысла данного знака в языке; 4) понимание конкретного смысла данного знака в имеющемся контексте; 5) понимание

в активном диалоге (споре-согласии); 6) подключение к диалогическому контексту; 7) оценивание степени глубины и универсальности данного понимания. По мнению М.М. Бахтина, в реальном понимании эти акты неразделимо объединены в один процесс. Несмотря на это, каждый акт является полностью самостоятельным в смысловом плане, и его можно выделить из конкретного эмпирического акта [3, с. 239].

Неразрывно с пониманием связано мышление. И.П. Меркулов полагал, что мышление является высшей познавательной функцией, основывающейся на способности живых существ обрабатывать внутренние мысленные представления, управлять ими, проводить «репетицию» действий, которые только предстоит выполнить, в своем воображении [11, с. 78].

По мнению Г.И. Богина, при восприятии письменного и устного текстов человек воспринимает множество смыслов и средств текстопостроения. При этом он стремится к распределению этих смыслов и средств по категориям. Результатом подобного распределения являются метасмыслы и метасредства. Следовательно, способы, применяемые читателем при понимании текста, можно рассматривать как наборы метасредств и метасмыслов (или метаединиц взаимодействия с текстом). В комплекте метаединиц, составляющих алгоритм действия в понимании текста, их может быть разное количество – как одна, так и множество [3, с. 23]. Г.И. Богин выделяет многочисленные техники понимания: интендирование, растягивание смыслов, наращивание предикаций и др. Кристаллизация рассматривается нами как процесс, нацеленный на дискурсивное изучение смыслового наполнения ключевых слов.

Явление кристаллизации не изученно в достаточной мере в современной лингвистике. Тем не менее следует заметить, что термин используется в научных трудах. В рамках данной работы мы определяем кристаллизацию как процесс наращивания смыслового наполнения таких слов, которые в контексте творческого мышления автора и диалога «текст – читатель» становятся независимыми от нормы, закреплённой словарными определениями. Кристаллизация позволяет не только выявить базовые смыслы, но и проследить процесс формирования метасмыслов, а иногда и вытеснение одних смыслов другими. Техника кристаллизации предполагает такие процедуры, как анализ лексики; составление частотного словаря; выделение контекстов, в которых

представлено ключевое слово; анализ выделенных отрывков с точки зрения лексической реализации; анализ контекстов с точки зрения смыслового наполнения и формирования пропозиций; определение результативных метасмыслов.

Рассмотрим процесс кристаллизации концепта “TOWN” (город) в романе “Dandelion wine”. TOWN (город) появляется в романе как живое существо, нежащееся в постели ранним утром: *It was a quiet morning, the town covered over with darkness and at ease in bed* [21]. Он выступает синонимом дома, места, куда герои возвращаются после отсутствия: *...allowing him to pathfind the forest alone out toward that incredible highway which would take them back to the town . . .* В TOWN врезается и делит его на две половины городской овраг: *They stood upon the edge of the ravine that cut the town half in two* [Там же].

TOWN (город) – живое существо, противостоящее дикой местности, глуши. Ясно показан вечный, непрекращающийся конфликт, в котором то одна, то другая сторона берет верх и захватывает какую-то территорию: *There was always and forever that indefinable place where the two struggled and one of them won for a season to possess a certain avenue, a deli, a glen, a tree, a bush* [20].

В то же время TOWN (город) – это огромный корабль с командой, которая выживает на нем, постоянно вычерпывая (как воду) постепенно заполняющую его траву и обкалывая нарастающую ржавчину: *The town was, after all, only a large ship filled with constantly moving survivors...* Вместе с тем иногда TOWN превращается в ковер, из которого мальчики выбивают пыль во время уборки. Основа ковра, его нити становятся людьми, домами, школой, бабушкой, мамой и т. д.: *“This funny cartoon here’s you, Doug!” Bang! “Here’s Great-grandma, Grandma, Mom.” Bang!* TOWN (город) – это и источник света, музыки, всего, что спокойно и привычно: *Behind them were the lit houses and music, ahead was deepness, moistness, fireflies and dark.* Также это печь, которая пышет жаром, накатывающим на нее с запада: *The town resembled a vast hearth over which the shudderings of heat moved...* [Там же].

Таким образом, в результате анализа и интерпретации TOWN (город) в романе “Dandelion wine” предстает как сложный концепт, включающий образы и ощущения. Мы получаем следующие пропозиции:

TOWN – живое существо, которое может уснуть, а может и умереть.

TOWN – борец, сражающийся с пространством за городом.

TOWN – олицетворение упорядоченности.

TOWN – дом, в который возвращаются главные герои.

TOWN – вестник цивилизации.

TOWN – старый, но крепкий корабль, в который постоянно «протекает» трава и который без команды давно рассыпался бы в прах.

TOWN – источник света, музыки, спокойствия.

В романе “Farewell summer” художественный концепт “TOWN” приобретает следующие характеристики:

TOWN (город) – живое существо, он вздрагивает от удара грома и ветра с севера: *The town shuddered. But it was just the wind from the north* [21].

TOWN (город) – это слепок прошлого, запечатленный в памяти человека: *And Gramps, lost in another time, murmured of that year and how the temperature was and what the people were like moving in that town.*

Помимо этого TOWN (город) показывается отлаженным механизмом, чьим сердцем и смыслом существования являются часы на башне городской ратуши: *Here, suddenly, was the immense, frightening machinery of the Enemy, the Teller of Lives and Time. Here was the core of the town and its existence.*

TOWN как любое живое существо имеет возраст и может спать: *Quartermain recalled numberless nights spent looking out the window at the sleeping town, although in years past his back was not stooped...* [Там же].

Кроме всего прочего, TOWN (город) – это не только улицы и дома, но и относительно небольшие вещи, которые можно упаковать или положить в коробку. Эти вещи также представляют собой TOWN (город), они его часть. TOWN вместе с тем является чем-то неизменным, вечным, не зависящим от движения времени. Неважно, сколько пройдет лет, все в нем останется прежним – двери, окна, ставни, которые нужно закрывать и открывать: *Suddenly there was the town and their lives to be lived in that town in the next forty years, opening and shutting doors and raising and lowering shades, and the green meadow was distant and alien* [Там же].

Мы получаем следующие пропозиции:

TOWN – что-то родное, знакомое – дома, улицы, люди.

TOWN – живое существо, которое может бояться, беспокоиться, спать.

TOWN – что-то ночное, сравнимое с луной.

TOWN – отлаженный механизм, чьим центром являются часы и который может работать так, как надо, а может и сломаться.

TOWN – упакованные, относительно небольшие вещи.

TOWN – нечто неизменное, вечное.

В результате детального анализа и интерпретации TOWN предстает как сложный концепт, включающий образы и ощущения. Он выступает по большей части как живое существо, со всеми присущими живому существу атрибутами и свойствами. Но одновременно TOWN является и кораблем, сражающимся со стихией, и отлаженным механизмом, и вестником цивилизации, и домом. Таким образом, можно сделать вывод, что в работах Р. Брэдбери TOWN многолик и разнообразен, а его смыслы не ограничены только словарными значениями.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2006. Ч. 1.
2. Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики: науч. монография. Нитра: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2011.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979.
4. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста: учеб. пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989.
5. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Междунар. науч. конф. «Язык, культура, общество». М., 2007. С. 86–95.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. Волгоград: Перемена, 2002.
7. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
8. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.
9. Лебхерц Е. П. Фреймовые структуры и культурные пресуппозиции в интерпретации рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008.
10. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009.
11. Меркулов И.П. Эволюция. Мышление. Сознание (Когнитивный подход и эпистемология) / под ред. И.П. Меркулова. М.: Канон+, 2004.

12. Олянич А. Презентационная теория дискурса: монография. М.: Гнозис, 2007.
13. Патрушева Е.В. Лингвокультурологический и функционально-прагматический аспекты афоризмов в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В.В. Путина и Дж. Буш-мл.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011.
14. Поветьева Е. В. Прецедентное имя как феномен интертекстуальности в англоязычном художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.
15. Семенов М.О. Дискурс интернет-форумов: кристаллизация как механизм смыслообразования и техника понимания: дис. ... канд. филол. наук. Армавир: АГПА, 2013.
16. Серю П. Анализ дискурса во Французской школе [Дискурс и интердискурс] // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 549 – 562.
17. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35 – 73.
18. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
19. Шмид В. Ш. Нарратология. М.: Яз. слав. культуры, 2003.
20. Bradbury R. Dandelion Wine [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/71170/2/Bradbury_-_Dandelion_Wine.html (дата обращения: 12.09.2015).
21. Bradbury R. Farewell Summer [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/356352-farewell-summer.html> (дата обращения: 11.09.2015).
22. Chafe W. Discourse, consciousness, and time // The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
23. Diamond J. Status and Power in Verbal Interaction: A Study of Discourse in a Close-knit Social Network. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1996.
24. Dijk T.A. van. Principles of critical discourse analysis // Discourse and Society. 1993. Vol. 4 (2). P. 249–283.
25. Heidegger M. Sein und Zeit. 17. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1993.
26. Lemke J. L. Textual Politics: Discourse and Social Dynamics. L.; Bristol, PA: Taylor & Francis, 1995.
2. Alefirenko N.F., Korina N.B. Problemy kognitivnoj lingvistiki: nauch. monografija. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2011.
3. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorčestva / sost. S.G. Bocharov, primech. S.S. Averinceva i S.G. Bocharova. M.: Iskusstvo, 1979.
4. Bogin G.I. Shemy dejstvij čitatelja pri ponimanii teksta: ucheb. posobie. Kalinin: Kalinin. gos. un-t, 1989.
5. Dem'jankov V.Z. Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obyden'nogo jazyka // IV Mezhdunar. nauch. konf. «Jazyk, kul'tura, obshhestvo». M., 2007. S. 86–95.
6. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs: monografija Volgograd: Peremena, 2002.
7. Karasik V. I. Jazykovye ključy. Volgograd: Paradigma, 2007.
8. Karasik V. I. Jazykovaja kristallizacija smysla. M.: Gnozis, 2010.
9. Leberc E. P. Frejmovye struktury i kul'turnye presuppozicii v interpretacii reklamnogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2008.
10. Lutovinova O.V. Lingvokul'turologičeskie harakteristiki virtual'nogo diskursa. Volgograd: Peremena, 2009.
11. Merkulov I.P. Jevoľjucija. Myshlenie. Soznanie (Kognitivnyj podhod i jepistemologija) / pod red. I.P. Merkulova. M.: Kanon+, 2004.
12. Oljanich A. Prezentacionnaja teorija diskursa: monografija. M.: Gnozis, 2007.
13. Patrusheva E.V. Lingvokul'turologičeskij i funkcional'no-pragmaticeskij aspekty aforizmov v političeskom diskurse (na materiale publicnyh vystuplenij V.V. Putina i Dzh. Busha-ml.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Stavropol', 2011.
14. Povet'eva E. V. Precedentnoe imja kak fenomen intertekstual'nosti v anglojazyčnom hudožestvennom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2014.
15. Semenov M.O. Diskurs internet-forumov: kristallizacija kak mehanizm smysloobrazovanija i tehnika ponimanija: dis. ... kand. filol. nauk. Armavir: AGPA, 2013.
16. Serio P. Analiz diskursa vo Francuzskoj shkole [Diskurs i interdiskurs] // Semiotika: Antologija / sost. Ju.S. Stepanov. M.: Akad. Projekt; Ekaterinburg: Delovaja kniga, 2001. S. 549 – 562.
17. Stepanov Ju. S. Al'ternativnyj mir. Diskurs. Fakt i princip pričinnosti // Jazyk i nauka konca 20 veka: sb. st. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1995. S. 35 – 73.
18. Shejgal E. I. Semiotika političeskogo diskursa: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2000.
19. Shmid B. Sh. Narratologija. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2003.
1. Alefirenko N.F. Tekst i diskurs v fokuse jazykovoj lichnosti // Jazykovaja lichnost' – tekst – diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovanija: materialy Mezhdunar. nauch. konf.: v 2 ch. Samara: Izd-vo Samar. un-ta, 2006. Ch. 1.

* * *

Crystallization of the concept “town” in the fictional world by R. Bradbury

The article deals with the concepts of the fictional discourse. The fiction text is regarded as a complicated structural phenomenon which includes the individual author’s concepts. The methods used in the work are concordance, frequency dictionary, techniques of sense crystallization.

Key words: *discourse, fictional discourse, sense, concept, fictional concept, crystallization.*

(Статья поступила в редакцию 03.08.2016)

Л.В. СОКОЛОВА
(Волгоград)

ОБРАЗОВАНИЕ ПРЕФИКСАЛЬНЫХ И СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВ (на материале немецкого языка)

На материале немецкого языка рассматриваются способы образования слов, являющихся производными от звукоподражательных. Установлена высокая степень продуктивности префиксации и суффиксации в данной лексической группе. Выявлены наиболее продуктивные для этой группы префиксы, полупрефиксы, суффиксы и полусуффиксы.

Ключевые слова: *звукоизобразительная система языка, звукоподражательная система языка, ономапон, звукоподражание, способ словообразования, суффиксация, префиксация.*

Интерес к звукоподражательным словам обусловлен, в первую очередь, размышлениями ученых о связи фонетической стороны языкового знака и мотива номинации предметов и явлений. Данный вопрос волновал умы мыслителей с античных времен и стал толчком к развитию натуралистической теории «фюсей» и теории «тесей», рассматривающей отношения слова и его денотата как конвенциональные. Отметим, что и в Средние века, в эпоху Возрождения, в Новое время данной пробле-

мой интересовались виднейшие философы и языковеды (Д.Б. Вико, В. Вундт, Г.В. Лейбниц, Г. Пауль, В. фон Гумбольдт, Г. Штейнталь, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ф. де Соссюр). Они представляли два диаметрально противоположных лагеря, в то время как одни высказались за признание произвольности языкового знака, другие считали, что произвольные элементы в языке – лишь следствие эволюции языка. На современном этапе развития лингвистики интерес к проблеме языкового знака и мотива номинации предметов и явлений по-прежнему сохраняется [2; 3, с. 35–38; 4, с. 134–138].

Мы придерживаемся теории примарной мотивированности звука в языковом знаке. Учитывая неоднозначность решения данной проблемы, мы обратили внимание на звукоизобразительные средства языка как на иллюстрацию взаимосвязи звучания слова и его денотата. Однако область нашего исследования ограничена лишь ономатопами (звукоподражаниями), и в основе их номинации лежит акустический признак. Это определяет специфику нашей работы, поскольку звукоизобразительная мотивация ономатопов ощущается и в синхронии, а значит, представляется целесообразным пользоваться фактическими данными современных способов регистрации лексических единиц.

Отметим, что именно звукоподражательная подсистема звукоизобразительной системы языка является одной из наиболее изученных в лингвистике. Но, несмотря на большое количество работ, посвященных ономотопее, звукоподражательная лексика долгое время рассматривалась не как система, а как некий набор немногочисленных лексических единиц (подробнее см.: [7, с. 186–188]).

Материалом для нашего исследования послужили звукоподражания в широком смысле, к которым, по словам Н.Б. Мечковской, относят разнообразные слова, у которых план выражения так или иначе мотивирован звуками, связанными с обозначаемым. В языках существует огромное количество звукоподражаний и их дериватов, также сохраняющих звукоподражательность [6, с. 147].

Звукоподражания называют, как правило, акустические явления, характерные как для живой, так и для неживой природы (напр., звукоподражания, издаваемые человеком или животными, возникающие при столкновении предметов, и т. п.). В словарях значения